

И. В. Силантьев

*Институт филологии СО РАН, Новосибирск
Институт языкознания РАН, Москва*

**Принцип незавершенности
в творчестве Дмитрия Горчева ***

Традиционная литературная поэтика ожидает от автора создания законченного в смысловом отношении текста и завершенного в эстетическом отношении произведения. За рамками художественной литературы принцип законченности / завершенности текста и самого словесного произведения носит все тот же всеобъемлющий характер. Однако в мире частных интернет-коммуникаций, в том числе в блогосфере, мы можем наблюдать принципиально иную картину. В основе построения самой блогосферы лежит обратный принцип относительной незавершенности текста и его последующего развития в сети посредством читательских и собственно авторских комментариев с возможностью его спонтанного коллективного завершения. Таково, в частности, творчество безвременно умершего русского писателя Дмитрия Горчева. Его тексты бытуют в среде моментальных откликов и комментариев блогосферы, что разрывает их потенциальную самодостаточность.

Ключевые слова: Дмитрий Горчев, блог, поэтика, незавершенность.

Европейская литературная поэтика, от Аристотеля до современных литературоведческих теорий, по определению и умолчанию ожидает от автора создания *законченного* в смысловом отношении текста и *завершенного* в эстетическом отношении произведения. В соответствии с этой тотальной поэтической нормой автор литературного произведения – будь то пьеса, сонет, роман или что другое – приводит свое произведение в некий завершенный и окончательный вид.

Особенно отчетливо этот принцип проявляется в эпике: повествовательная фабула должна быть закончена и досказана, а герой в действии должен прийти к своему окончательному ценностному и смысловому статусу. Линии развития фабулы и героя должны слиться в финале, который в поэтологической традиции именуется привычным школьным словом «развязка».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Силантьев Игорь Витальевич – доктор филологических наук, директор Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; silantev@philology.nsc.ru); Институт языкознания РАН (Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009, Россия)

За рамками художественной литературы принцип законченности / завершенности текста и самого словесного произведения носит все тот же всеобъемлющий характер. В соответствии с этим принципом организованы многообразные речевые жанры, иначе – жанры дискурсов, соотносящихся с той или иной социокультурной сферой общения – деловой, юридической, публицистической, научной, образовательной и др. Трудно представить намеренно не законченное деловое письмо и направленное при этом адресату, или договор без реквизитов или подписей сторон, или научную статью, оборванную на полуслове и лишённую выводов и обобщений.

Таким образом, в систему авторской практики и читательского ожидания в современной словесной культуре входит обязательная установка на создание и восприятие *целого* текста и *целостного* произведения¹.

Ведение личного дневника также укладывается в классическую парадигму законченности / завершенности. Личный дневник подразумевает определенную целостность записи, которая ограничивается хронологическими, личностными и, в самом широком смысле, идеологическими рамками. Ведущий дневник пишет о том, что произошло с ним за день, за неделю или за любой другой – но заведомо конечный – промежуток времени и жизни. При этом записи в личном дневнике преимущественно ориентированы именно на *личность* пишущего – это *его* дневник, история *его* личности, написанная в рамках *его* личностной идеологии как некоего целостного взгляда на собственную жизнь, судьбу и мир.

В мире частных интернет-коммуникаций, в том числе в блогосфере, мы можем наблюдать принципиально иную картину. В основе построения самой блогосферы лежит обратный принцип относительной незавершенности текста и его последующего развития в сети посредством читательских и собственно авторских комментариев с возможностью его спонтанного коллективного завершения. Таким образом, у текстов блогосферы нет классического единого, окончательного и безусловного автора, который создает целый текст и целостное произведение, а есть автор вопроса, зачина, темы, отправной позиции и мнения, иногда коммуникативной провокации, и к его начальному авторству спонтанно и разнородно присоединяются соавторства других голосов в сети. В итоге произведение в значительной степени обобществляется и только в совокупности причастных к нему соавторских голосов получает свою относительную завершенность, а текст его, скорее, не заканчивается, а исчерпывается в своем развитии и движении от комментария к комментарию.

Все это в теории противоречит, а на практике противостоит принципу законченного текста и завершенного произведения, столь характерному для стандартной европейской поэтики, но в этом нет проблемы, поскольку текстовая традиция и самый дискурс блогосферы выстраиваются не в русле поэтики, а в русле риторики.

Мы говорим не об учебной риторике как своде правил построения публичной речи, раскрытия темы, убеждения собеседника и т. д. Речь идет о риторике неотрафлексированной, спонтанной, в большей мере характерной для стихии свободного, неподготовленного устного выступления, для стихии произвольного диалога и спора. В этой стихии автору не дано доделать или переделать текст выступления, да и самого текста нет, а есть речь, изначально незамкнутая и завершаемая в известной мере спонтанно – при ощущении достижения риторической цели, а может быть, и из-за тривиальной нехватки времени или потери внимания собеседника. Но так же люди пишут и в блогосфере и социальных сетях –

¹ Вместе с тем сама проблема незавершенности литературного произведения в последнее время становится предметом заинтересованного литературоведческого осмысления (см., в частности, работы [Абрамовских, 2014; Феномен незавершенного, 2014]).

урывками, в промежутках между делами, просмотром телепередач, чаепитием и т. п.

Самое интересное и значительное здесь – это то, что стратегия неполноты коммуникации – назовем ее так в нашем рабочем формате – захватывает и собственно художественные или как минимум претендующие на художественную самодостаточность тексты литературы в интернете, или так называемые сетературы.

Таково, в частности, творчество безвременно умершего русского писателя Дмитрия Горчева. Его тексты безусловно художественны, хотя некоторые могут быть неприемлемы в контекстах нормированной культуры. Порой вполне ощутимо авторское стремление закончить эти тексты и завершить их в статусе целостного произведения. Однако бытуют эти тексты в среде моментальных откликов и комментариев блогосферы, что разрывает их потенциальную самодостаточность. Читатели блога Горчева по большей части воспринимают эти тексты не как законченные произведения, а как «месседжи» с диалоговым потенциалом, как записи в интернет-дневнике, собственно в блоге, и отвечают на них по-разному, кто во что горазд: кто-то в меру своих талантов подхватывает зачин писателя, кто-то отвечает в игровом стиле, а кто-то – и на банальном бытовом уровне. Сам производитель текстов, понимая это, уже и не стремится их обособить и оцельнить – и вместе с тем обособиться как собственно литературный автор. Поэтому в позиции и самой инстанции высказывающегося остается очень много от биографического, реального Горчева – лирического созерцателя жизни и «дауншифтера» [Силантьев, 2011].

Приведем несколько характерных текстов из блога писателя (здесь и ниже сохранены орфография и пунктуация источников)¹.

13.01.2010. Продукты.

Очень удобно в деревне зимой с продуктами.

Это летом чуть не уследил – и вот уже потекло, прокисло, протухло, весь дом провоняло, а остальное мухи съели. Ну или сороки с...ли. Или крот выкопался, схватил что попало и бегом обратно в нору запихивать. А не видит же н...я, слепой, вот и запихает куда-нибудь в галошу. Наденешь эту галошу – а там как-то внутри нехорошо.

А зимой он пусть попробует выкопаться – я вчера лопату, воткнутую в землю еще по осени в огороде, полчаса выколупывал из этой земли ломом.

И продукты тоже: купишь в автолавке кирпич молока, кирпич кефира и что-то еще каменное, кажется, яйца, и пролежит оно хоть до самого апреля, если конечно не класть их в теплое место вроде холодильника.

Вчера вот, разбирая шкаф в сенях, нашел пакет картошки. Хотел было эту картошку почистить, но ни один ножик ее не взял, даже швейцарский. Ну, порубил топором на куски и так сварил. Получилось замечательное сладкое блюдо: чистый батат, которого я ни разу не ел.

Хорошо, в общем.

Перед нами вполне законченная лирическая миниатюра, написанная в тонких тональностях иронической идиллии и достойная отдельной странички в книге избранных произведений автора. На первый взгляд, она не нуждается в каких-либо распространениях – но это если ее поместить именно в *книгу* как в заповедник авторских текстов, охраняемый традициями бумажной культуры. На самом деле этот текст живет в сети и открыт для живого диалогического отклика, дописывания и переписывания.

Вот первый отклик, практически снимающий тонкие эстетические смыслы авторского текста и переводящий смыслы произведения в житейское измерение:

¹ Горчев's LiveJournal Entries. URL: <https://dimkin.livejournal.com/>

У меня на балконе замёрз пакет луку, привезённого с дачи. Выбросить хотел, да потом передумал. И не зря, как оказалось – лук этот самый режется вполне себе хорошо, и, сука, глаза не выедаёт. А будучи пассерованным – вполне себе луковый лук получается. В боржч набросал – вкусно. В фарш для чебуреков положил (вернее, мясо в этот лук добавил) – чуть пальцы себе не пооткусывали, так вкусно получилось) (<http://dimkin.livejournal.com/442788.html>).

Любопытно, что автор (Дмитрий Горчев) моментально откликается, поддерживая житейскую тональность диалога:

Да, лук я тоже нашёл на крыльце. Главное – не дать ему оттаять до приготовления (Там же).

Автору отвечает другой голос:

Ага. У нас пока на балконе держится устойчивый минус, лук активно потребляется – думаю, в морозилку переключать будет нечего)). Хорошо было в Сибири. На балкон можно было положить целую свиню, убитую в ноябре, и всю зиму от неё отпиливать по ноге раз в неделю. Ещё у меня там стоял бак с квашеною капустой – топором нарубил тарелку закуси, лука туда накрошил, маслом полил – и красота) (Там же).

Житейский разговор продолжается, собеседники обмениваются личными наблюдениями и предпочтениями, и тут некий голос переводит сложившийся дискурс в русло лингвостилистических рефлексий (что, кстати, весьма характерно для частного общения в интернете):

А у нас, ловлю себя на желании говорить на деревенский лад и, говорю, – *none такой колотун, что всё храню на кухне под окном и ничего, ня киснет* (курсив наш. – И. С.) (Там же).

Разговор весьма гармонично заканчивается репликой, наделенной интенцией вкусовой (подлинно эстетической) оценки:

Браво! потрясающе пишете!!!!!!!!!! опять меня сейчас из кабинета выгонят за громкий неадекватный ржач!)) (Там же).

Эта реплика, несмотря на ее своеобразный формат, действительно *завершает* данное произведение – на уровне прагматики читательского восприятия авторского текста.

Обратимся к другому тексту.

20.01.2010. Рецепт.

Рецепт приготовления чего угодно в русской печке:

Протопить русскую печку.

Положить, насыпать, нарубить или напилить в казан что угодно, но желательное съедобное. Можно и не рубить – главное, чтобы влезло.

Посыпать или залить чем угодно. Можно также ничем не посыпать и не заливать.

Поставить в печь и забыть.

Вспомнить, достать и есть. Время вспоминания может быть любым – хоть две минуты, хоть двое суток.

Если есть невозможно, отдать собаке-степану.

Всё.

Этот текст снова вызывает лингвостилистический комментарий, развернутый в ироническом ключе:

Если в рецепте фигурирует русская печь, то необходимо использование слова «ухват». Его можно поставить в произвольное место, но без него нельзя обойтись. Иначе текст становится разбалансированным, даже тяжелый казан не уравновешивает русскую печь (<https://dimkin.livejournal.com/444521.html>).

Иронисту вторит другой ценитель языка:

Слово «казан» добавляет в исконно русский рецепт нечто тюркское (Там же).

Далее читателей-комментаторов влечет в фольклорные аллюзии:

Топор добавлять по вкусу. На крайняк – ношку от табурета (Там же).

Авторский текст в итоге *завершается* анекдотом от очередного комментатора:

Русская печь это о! Мой дед, притопав с работы, съел на ужин пороссячью еду из печи, потом долго хвалил бабушку за её кулинарные способности. Когда бабушка узнала, чем ужинал дед, был нещадно бит (Там же).

Сетевое творчество Горчева динамично, как творчество всякого подлинного автора. И в первую очередь это проявляется в поисках автором своего героя. Горчев разрабатывает этого героя как некую матрицу, в которой представлены различные коммуникативно-смысловые векторы его как адресанта своего сообщения. Соответственно, меняется и предполагаемый адресат – это и читатель, в том числе реальный сетевой, это и имманентный читатель самого автора.

Сущность горчевского героя определяются как минимум двумя измерениями: это автобиографический герой; это лирический герой.

Автобиографичность героя Горчева, разумеется, не полная и не зеркальная, а отстраненная и *отстраненная* (воспользуемся термином В. Б. Шкловского). Наблюдательный художник, Горчев создает необходимый зазор между собой и тем, о котором пишет в своем блоге, ненавязчиво, как бы ненароком окружая последнего эстетическими завершающими смыслами, – это лирический созерцатель и одновременно иронически настроенный резонер, впрочем сразу прощающий свои упреки и забывающий о них, это мягкий сатирик, это и философ примитива.

Лирический герой Горчева погружен в повседневность. Но это особенная повседневность – в ней обыденность и привычная поверхностность вещей, лиц, действий часто и неожиданно оборачивается экзистенциальным пределом, неизбежное и невыносимое переживание которого – удел нашего героя.

В основании горчевской матрицы героев находится, если так можно выразиться, герой спонтанного действия и переживания, в полной мере отвечающий открытому и незавершенному характеру самого блога писателя. Приведем характерный пример.

02.07.2001. Вчера внезапно нажрался на совершенно ровном месте. Два дня ходил, зевал, чесал выступающие части, жарко, противно. Под вечер вдруг возбудился: а вот бы сейчас винца выпить, красного и прохладного. <...> Ну и купил, раз уж такое дело, две бутылки вина-киндзмараули, да и выжрал под интернет.

А глаза-то утром и не открываются. Я и так, и сяк – не открываются и все тут. Так до метро с закрытыми глазами и дошел. На станции пионерская встала передо мной одноногая беременная старушка, а я и рад бы ей место уступить, а не могу. Так и не уступил, вот сволочь какая.

Герой спонтанного действия и переживания сменяется героем-рефлектором. Рефлексия очень важна в системе горчевской риторики – это тонкий инструмент конструирования собственного, имманентного читателя, с которым в реальности онлайн-диалога консолидируется или же нет реальный читатель блога автора.

25.06.2001. Тиранозавр.

Сделал из бумаги модельку тиранозавра рекс. Очень трогательного, на мягких подгибающихся ножках, как енот и папуас, с тоненьким крысиным хвостиком. Смотрю на него – очень жалобный, зубки кривенькие, бедолага. <...>

А утром возникла страшная проблема: как этого тиранозаврика отнести Людям? Не для себя же я его делал. Расклеивать скотч, на котором он держится – даже

страшно подумать. В литровую банку он не лезет, да и нету у меня ни одной чистой банки, кто ж их вымоет. Везти в руках на коленях в метро – заберут в дурдом раньше времени...

04.07.2001. Вот за что люблю бомжей и все время про них пишу: приятные они. Какая-нибудь бл...а с грязными ногами как скажет?: «Молодой чеек, угостите меня сигареткой!» Тьфу ей в харю. А бомж не так: он пройдет мимо не торопясь, встанет в отдалении, чтобы не напрягать и спросит солидно: «Табачком не богат, Батя?». Или Бригадир. А то даже Гражданин Начальник. Не дашь – не обидится, поковыляет дальше по своим важным делам. И даже не подумает про тебя плохого. Не злой.

В следующей клетке матрицы Горчева находится герой-сюрреалист, нередко занимающий и рефлектирующую позицию. Впрочем, сюрреализм – это не более чем рабочий термин первого приближения к пониманию этой стороны имажинативной поэтики Горчева. В его текстах мы видим не искажения формата обыденной реальности, что характерно для сюрреализма, а принципиальный уход от этого формата в новую реальность, несводимую никакими трансформациями к обыденному миру человека. Это, скорее, показатель глубинной взаимосвязи горчевской поэтики с миром художественных открытий обэриутов. Таково видение мира горчевским героем, к примеру, в шуточной миниатюре про голубей, озаглавленной «Птица мира».

26.06.2001. В прошлом году у меня на балконе свила гнездо Птица Мира. Я как-то пожалел выгрести совком для мусора это гнездо, там лежали два грязеньких яйца, одно поменьше, другое побольше. Из того, которое побольше, вылупилось очень неприятное Существо, покрытое жесткими серыми волосами. Потом я его за какими-то важными делами забросил, а однажды выглянул на балкон – е...!: висит под потолком огромное, черное, как ворон-невермор, но вниз головой, с красными глазами, страшное. В общем, прижилось. Иногда гремит подоконником: водит своих баб по родным местам, типа вот моя деревня. <...>

В следующем тексте герой-сюрреалист Горчева вполне дает волю своей развешивающей фантазии.

01.08.2001. Плохие деньги.

Ровно в пять часов утра в дверь позвонили. Я открыл: там стоит двести пятьдесят один покемон. Они, оказывается все примерно одного размера – с крупную мышь, и у каждого в лапах или в зубах, если лап нет, по сто долларов. Они обошли мою квартиру по периметру с идиотской песенкой как у тараканов из рекламы, потом низко мне поклонились, оставили доллары и ушли гуськом. Я взял одну бумажку, пошел в обменник. Женщина в обменнике нехорошо прищурилась: а вам эти деньги наверное покемоны принесли, нет? Я застеснялся: да, говорю, покемоны. Вообще-то я обычно довольно честный. «Плохие это деньги, нехорошие» – говорит женщина и кнопочку потихоньку жмет. Ну я убежал конечно кое-как. Потом уже покемонам стало неудобно за плохие деньги и они подстроили, будто бы это все приснилось. Только таких снов не бывает, я точно знаю.

Замыкает горчевскую матрицу иронический герой, наиболее значимый для автора, его alter ego в экзистенциальном смысле, и в то же время смысловой центр эстетической парадигмы его творчества. Вот, например, как иронический герой в миниатюре, озаглавленной «Про тринадцать рублей», размышляет о непростом отношении простого человека к деньгам.

11.07.2001. Пересчитал все свои деньги из кармана: тринадцать рублей до полочки.

Никто не верит, что дома у меня, где-нибудь в приглашении на казнь, не припрятана сотенка-другая на непредвиденные обстоятельства. А вот. А не припрятана. Очень это недальновидно.

На тринадцать рублей можно купить бутылку пива-бочкарев или пачку сигарет-элементс. Вот этот выбор омерзителен. Если я куплю пиво-бочкарев, я его выпью

и подумаю: а вот бы сейчас покурить! И наоборот. Поэтому я ничего вообще покупать не стану, буду ходить и думать: захочу – пива-бочкарев куплю, захочу – сигарет-элементс, чего душа пожелает, того и куплю. <...>

А вообще, в магазинах не нужно ничего покупать. Они в магазинах торгуют одним золотом троллей. Купишь прекрасное, принесешь домой – а оно кислое, строчка кривая и показывает так себе. Такой дряни уже столько накопилось, что приходится ногой в мусорном ведре утрамбовывать, не выбрасывать же – деньги плочены. Деньги нужно гладить утюгом, складывать в толстые стопочки и любоваться: вот захочу и Наморе поеду или пасеку себе куплю на Алтае, да много чего можно придумать. Только вот не получаются стопочки никак. Дали вроде бы Кучу Денег, а залез в карман, пересчитал – опять тринадцать рублей. Куда делись? Ну ладно, помню карандаш купил в канцтоварах. Загадка какая-то.

Заметное место в творчестве Горчева занимает советская тема. Отношение Горчева к советским реалиям, периодически всплывающим в его дневниковых записях, проникнуто противоречивыми и в то же время характерными для человека его лет смыслами и оценками.

С одной стороны, это типичное для интеллигента – выходца из СССР недоверие, неприятие, а порой и откровенная ненависть к расхожим мифам и идеологемам, представленным в советской литературе и средствах массовой информации, в особенности периода детства писателя. Это вполне понятно, так как именно с такими мифами и внешними идеями, воспринятыми некритично в детстве и юношестве, человек борется наиболее осознанно и активно, стремясь освободиться от них. Для Горчева такими агрессивными носителями советского идеомифа выступают стихи Михалкова (миниатюра от 20.12.2008) и обезоруживающая наивное детское сознание газета «Пионерская правда», неумоимо творящая узаконенное идеологическое насилие над несовершеннолетними (миниатюра от 15.08.2001). Здесь же ключевой миф угрозы ядерной войны и ее центральный образ – ядерный гриб, а также идеологема из «цитатнега» Владимира Ильича о целесообразности «кухарочного» управления государством (миниатюра от 29.06.2001) и венчающий весь этот ряд отчуждающих советизмов гипермифологический образ холода, навсегда замораживающего человека в его идеологически заданных представлениях о себе, жизни и мире (миниатюра от 17.12.2009 «Ненавижу холод»). Примечательно, что автобиографический герой Горчева своей сказочной находчивостью (Иванушка-дурачок?) преодолевает и побеждает этот режимный вселенский холод.

С другой стороны, рядом с неприятием и ироническим преодолением всего советского идеологического соседствует совсем иное – это ностальгическое отношение к советскому быту и житейскому укладу. В милых сердцу деталях и мелочах запечатлена счастливая и неповторимая в своей наивности и нетронутой жизненной прямооте пора детства и юношества автора. Здесь ключевыми выступают два взаимосвязанных лирических сюжета домашних заготовок (консервирования – миниатюра от 29.07.2001) и сушки «целлофановых» мешков (миниатюра от 12.01.2009), при том что оба бытовых таинства происходят в алтаре быта советского человека – на кухне.

Иронические сравнения проблем утилизации и избавления от мусора в советскую эпоху и в современной автору действительности выходят не в пользу последней, и таким образом советское, развенчанное было автором на уровне мифа и идеи, берет ностальгический реванш на уровне быта и самого жизненного уклада. Советское, увиденное сквозь призму ностальгии, остается в духовном мире героя Горчева и приобретает собственное эстетические очертания, оказывается приобщенным к красоте путешествия, открытия и личного подвига, а в конечном итоге получает и свое философское объяснение в рамках авторской идеи «общества непотребления».

22.10.2009. Так вот. Когда я был маленьким дурацким мальчиком, который не выговаривал ровно половину букв русского алфавита (тридцать три делите пополам без дробей сами – это не моя проблема), я читал книжки из замечательной серии про всякую географию – Тура Хейердала, Пири и Амундсена, Обручева и этого, как его, забыл фамилию, который залез на Эверест, а потом отстригал у себя ножницами пальцы на ногах. Я с наслаждением читал про закупку где-то в Перу бальсовых брёвен, съеденных со слезами на глазах собак, и про не то норвежца, не то датчанина, который на плоту Кон-Тики пошел на корму посрать и получил по жопе акульным хвостом.

И верил я тогда, что жизнь моя бесконечна и я тоже буду отстригать у себя на ногах пальцы и плыть куда-то без руля и без ветрил на соломенной лодке...

Иногда приходится слышать, что творческие люди ощущают приход своей смерти. Дмитрий Горчев, по всей видимости, был из числа таких людей, и за два с небольшим месяца до своей смерти написал следующий текст, который мы, в знак уважения перед тончайшим даром автора, приводим полностью ¹.

08.01.2010. Про смерть.

Про смерть я задумался однажды при очень неподходящих обстоятельствах.

Было мне лет девять и проводил я летние каникулы у тётки в деревне. И вот как-то вечером я сидел и читал книжку Тура Хейердала, не то Аку-Аку, не то Кон-Тики, а тётка сидела на койке напротив и стригла ногти на ногах.

Я оторвался на минуту от книжки и неожиданно подумал: «А ведь она когда-нибудь умрёт» (тётке сейчас, кстати, сильно за девяносто и она по сей день жива, чего и далее ей желаю). Нет, я конечно, знал и раньше, что люди умирают, но знал как-то теоретически. Ну, помирают где-то там, а может и не помирают. Взрослые эти вообще чего только не напридумают.

А тут вдруг я понял, что это правда: вот сидит, допустим, тётка, сидит – и вдруг хлоп!, и померла.

Мысль меня эта почему-то так поразила, что я дня два ходил такой потрясённый, что у меня даже разболелся зуб. И болел он целую неделю непрерывно. Мне время от времени засовывали в рот таблетку анальгина и тогда зуб болел слабее, но боль всё равно никуда не уходила, а просто пряталась за соседним зубом и я уже не мог ничего разобрать – где боль, а где смерть.

А ещё некоторые говорят, что будто бы детство – счастливая пора. <...>

А потом я однажды проснулся днём: а зуб не болит! То есть вообще нигде не болит. Умер наверное.

Я шатаюсь выполз в огуречник, выдернул морковку, вытер об штаны и съел. Потом съел очень твёрдое и кислое яблоко – нет, всё равно ничего не болит.

И солнце эдак светит, как светило потом всего ещё в один счастливый день, когда я уволился с должности школьного учителя. И какая, скажите, смерть, когда такое солнце?

Я лёг на траву под яблоню и впервые в жизни увидел богомола. Был он смешной, зелёный и было совершенно непонятно, почему это существо не разваливается и на чём вообще эти спички держатся.

Богомол посмотрел на меня мрачно, тяжело вздохнул и убрёл куда-то: видимо размножаться.

Этот внешне простой текст написан по строгим диалектическим правилам. В нем звучит собственно тезис (о смерти), который три раза затухающими импульсами поднимается в тексте. В нем звучит антитезис – о живой боли, о жизни, о солнце. В нем, наконец, в комической тональности звучит синтез, следуя которому нелепый и мрачный богомол, комически символизирующий смерть, отправляется творить жизнь.

¹ Это произведение Дм. Горчева издавалось и в художественной периодике [Горчев, 2017].

И первый же читательский отклик в блоге Горчева улавливает и развивает эту комическую тональность:

Неудивительна мрачность богомола – у него процесс размножения сопряжен со смертельным риском (<https://dimkin.livejournal.com/442119.html>).

Другого читателя ироническая лиричность Горчева настраивает на свой собственный лирический лад:

Я четко запомнила этот момент осознания смерти. Мне было около 4-х. Я должна была днем спать. Был солнечный день, а мама мыла пол. И вдруг я поняла, что мама умрет. Вот как Вы поняли, что умрет тетка. Какое-то время мне было страшно. Очень. Я тихо-тихо поплакала в подушку, я почему-то поняла, что маме об этом никак нельзя говорить. Потом солнце и свежесть все победили, и я заснула. Удивительное существо человек. Мама жива до сих пор (<https://dimkin.livejournal.com/442119.html>).

Подытоживает дискуссию и завершает самый горчевский текст краткая и точная реплика, раскрывающая формулу художественного смысла произведения и одновременно дающая ему высшую читательскую оценку:

Зуб умер, а солнце все равно светит, и будет светить. Круто написано, или просто вовремя. Спасибо (Там же).

Незаконченность авторского текста и незавершенность авторского произведения, обращенного в открытый космос блогосферы тем не менее не приводят к неполноте коммуникации между людьми, прячущимися за различными «никами»-псевдонимами. Именно они, участники блога, своими разнохарактерными и разнонаправленными комментариями коллективно завершают авторское незавершенное произведение, вместе приходя к итоговым смыслам и оценкам.

Список литературы

Абрамовских В. Е. Произведения «нон-финито» на сломе культурных парадигм // Модернизация культуры: Идеи и парадигмы культурных изменений. Самара, 2014. С. 293–300.

Горчев Д. Предназначение // Текст.express: Электронный лит. журн. 2017. Вып. 7. URL: <http://text.express/shot-stories/34-dmitriy-gorchev-prednaznachenie.html> (дата обращения 10.09.2017).

Силантьев И. В. Проблема неполноты коммуникации в блогосфере // Текст и подтекст: Поэтика эксплицитного и имплицитного: Материалы междунар. науч. конф., Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 20–22 мая 2010 г. М., 2011. С. 89–95.

Феномен незавершенного / Под ред. Т. А. Снигиревой, А. В. Подчинова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014.

I. V. Silantev

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, silantev@philology.nsc.ru
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

The principle of incompleteness in the works by Dmitry Gorchev

Traditional literary poetics expects an author to create a complete meaningful text with an aesthetic value. Following this total poetic norm, an author of a literary work – whether it is

a play, a sonnet, a novel or something else – gives his work a certain complete and final form. Beyond literary fiction, the principle of completeness / finality of the text and the verbal product itself is also quite comprehensive. It guides the organisation of diverse speech genres or the genres of discourses that correspond to one or another socio-cultural sphere of communication. Thus, the system of author's practice and reader's expectations in modern verbal culture includes the significant emphasis on the creation and perception of a whole text and holistic piece of work. Keeping a classic personal diary also fits into the classic completeness / finality paradigm.

However, in the world of private Internet communications, including the blogosphere, we can see a fundamentally different picture. The inverse principle of the relative incompleteness of the text and its subsequent development in the net through the readers' and author's comments is at the heart of the blogosphere construction, with the possibility of its spontaneous collective completion. Such principle is, in particular, followed in the work of the perished Russian writer Dmitry Gorchev. His texts are impeccably artistic, although some may be unacceptable in the contexts of a normative culture. Sometimes the author's desire to finish these texts and give them the status of a holistic piece of work is quite palpable. However, these texts exist in the environment of instant responses and blogosphere comments, which tears their potential self-sufficiency. Gorchev's readers, for the most part, perceive these texts not as a piece of work, but as «messages» with dialogue potential, like entries in an online diary, in a blog, and respond to them in different ways. Realising it, the producer of texts no longer strives to isolate and make them whole and, at the same time, to differentiate himself as a literary author. Therefore, the position of the speaker remains very much that of the biographical, real Gorchev – the lyrical contemplator of life.

Keywords: Dmitry Gorchev, blog, poetics, incompleteness.

DOI 10.17223/18137083/61/11

References

Abramovskikh V. E. Proizvedeniya “non-finito” na slome kul'turnykh paradigm [Non-finito works on the treshold of cultural paradigms]. In: *Modernizatsiya kul'tury: Idei i paradigmy kul'turnykh izmeneniy* [Modernization of culture: Ideas and paradigms of cultural change]. Samara, 2014, pp. 293–300.

Gorchev D. Prednaznachenie [Destination]. *Tekst.express: Elektronnyy lit. zhurn* [Text. express: Electron. lit. journal]. 2017, iss. 7. http://www.text.express/issue_short-stories/43-dmitriy-gorchev.html (accessed 10.09.2017).

Silantev I. V. Problema nepolnoty kommunikacii v blogosfere [The problem of incompleteness of communication in the blogosphere]. In: *Tekst i podtekst: Poetika eksplitsitnogo i implitsitnogo: Materialy mezhdunar. nauch. konf., Inst. rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN, 20–22 maya 2010 g.* [Text and subtext: Explicit and implicit poetics: Materials of the international. sci. conf., Institute of Rus. yaz. them. V. Vinogradov, RAS, May 20–22, 2010]. Moscow, 2011, pp. 89–95.

Fenomen nezavershennogo [The phenomenon of unfinished]. T. A. Snigireva, A. V. Podchinenova (Eds). Ekaterinburg: Izd. Ural'skogo univ., 2014.